

ЛЮБОВНИЦЫ ИМПЕРАТОРОВ

Ульяна Эсс

АННА

ТАЙНА ДОМА РОМАНОВЫХ

Любовницы императоров

Ульяна Эсс

Анна. Тайна Дома Романовых

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эсс У.

Анна. Тайна Дома Романовых / У. Эсс — «Эксмо»,
2017 — (Любовницы императоров)

ISBN 978-5-04-088572-5

Так начинались едва ли не все самые драматические, самые безумные истории о любви. Российский самодержец Павел I на балу обратил внимание на дочь московского сенатора Анну Лопухину... И весь мир для него вдруг мгновенно преобразился. Куда делись императорская невозмутимость, сдержанность и самообладание? Непозволительные чувства хлынули, как цунами, смыв в туманную даль бесконечные заботы и тревоги о судьбе России. Вмиг охладел некогда пылкий интерес к фаворитке Нелидовой. В сердце государя теперь была только она, юное, божественное создание, и она оставалась там до жуткой кончины Павла I. По сей день с полотен художников, писавших портреты Лопухиной, смотрит на нас очаровательная молодая женщина с большими темными глазами, которые как бы говорят: «Я была рождена для тихой семейной жизни, но, увы, вышло совсем по-другому...»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088572-5

© Эсс У., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ульяна Эсс
Анна. Тайна Дома Романовых

© Эсс У., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава 1

В начале мая 1798 года Москва находилась словно бы в лихорадке. Повсюду спешно красились фасады домов и заборы усадеб, ветхие строения, выходившие на главные улицы, либо укреплялись, либо вовсе сносились. Особенно большая суeta царила вокруг Александрийского дворца. На площади перед дворцом заменялась брусчатка, заливалось масло в фонари, стоявшие вокруг парадного подъезда, сам подъезд начищался до блеска. Причина этих приготовлений состояла в том, что ожидался приезд в Белокаменную императора Павла Петровича. Событие, что и говорить, чрезвычайное!

Правда, государь уже приезжал в Москву в прошлом году – его величество соизволил устроить в древней столице свою коронацию. Тогда московское начальство с ног сбилося, приводя город в порядок. Многие обветшавшие строения были убраны с главных улиц, ямы на дорогах засыпаны, и вообще город принял пристойный облик. Казалось бы, за год Москва не могла стать хуже, и можно было особенно не беспокоиться. Однако за минувший год многое случилось. И прежде всего – стал известен чрезвычайно крутой и вспыльчивый нрав нового самодержца всероссийского. До Москвы дошли сведения о том, как государь во время смотров собственноручно сдирал эполеты с оплошавших офицеров и разжаловал их в рядовые, как снимал с должностей и отправлял в отставку самых видных начальствующих лиц. И это в Санкт-Петербурге, сиятельной столице, где собран цвет российского общества! Что же тогда говорить про Москву, не имевшую столичного блеска? Сколько упущений мог углядеть за время пребывания здесь придирчивый взгляд самодержца! Так что неудивительно, что у всех московских чинов, начиная с последнего урядника и кончая генерал-губернатором, поджилки тряслись.

Нынешний приезд государя не был приурочен к какому-нибудь особенному событию. Просто император решил осмотреть свои владения в их центральной части. После Москвы он должен был посетить также Казань. Павел ехал один, без супруги – императрица Мария Федоровна, только что разрешившаяся от бремени очередным, девятым по счету, ребенком, оставалась в Санкт-Петербурге. Поэтому пребывание его величества в Белокаменной не планировалось быть продолжительным, государь пробудет здесь три или четыре дня. Главным событием визита должен был стать бал, который состоится здесь же, в Александрийском дворце.

Императорский поезд – из двадцати четырех карет с сановниками, трех дюжин возков с поклажей и двух конных эскадронов сопровождения – прибыл в древнюю столицу около полудня. Предполагалось, что после прибытия государь будет отдыхать, однако Павел уже тут проявил свой неукротимый нрав. Едва выйдя из кареты возле дворца, он заявил, что желает проинспектировать войска, расположенных в городе. И пришлось сановникам, только собравшимся вкушать московского гостеприимства, отправляться вслед за государем на плац. С плаца Павел велел везти себя в присутствия, оттуда – в собор Василия Блаженного, где он хотел отстоять начало службы. И только потом разрешил себе краткий отдых перед балом. За время своей инспекции император никаких особых упущений не выявил, и наказаний не последовало. Но всем, кто его видел, его невысокая фигура, с его резкими быстрыми движениями, его лицо, выражавшее непреклонную решимость, успели внушить глубокий страх. И страх этот волнами распространился по всей дворянской и чиновной Москве.

В восемь вечера, когда стало темнеть, перед парадным подъездом зажглись масляные фонари, и начался съезд гостей, приглашенных на бал. Восемь – это было, конечно, весьма рано. В прежние времена, в царствование императрицы Екатерины Великой, увеселения начинались гораздо позже и продолжались всю ночь. Однако новый государь и здесь, как и во всем другом, решил нарушить установления, данные его матерью. Он заявил, что днем надо трудиться, вечер уделять веселью, а ночью спать, соблюдал этот порядок неукоснительно и соби-

рался еще до полуночи удалиться с бала. Само увеселение после этого могло продолжаться еще какое-то время, но недолго – затягивание танцев вызвало бы гнев государя.

Что ж, ладно, и четырех часов хватит, чтобы дамам и девицам показаться во всем своем блеске, а мужской части общества хорошенько рассмотреть московских невест, затеять разговор и показать себя с лучшей стороны. Так рассуждали приглашенные, ибо никакой страх не может отвести молодых девиц от обещанных танцев, а молодых людей – от возможности знакомства с девицами.

Меж тем в лучших покоях дворца, отведенных для императора, Павел одевался для бала. Одевать императора было доверено его личному камердинеру и брадобрею Ивану Кутайсову. Надо заметить, что Иван Павлович занимал при государе совершенно особое положение, Павел доверял ему не только свое незащищенное горло, к которому брадобрей каждое утро подходил со своим отточенным инструментом, но и свои мысли и сердечные тайны.

Вот и сейчас, облачаясь в атласную рубашку и примеривая парик, Павел рассуждал:

– Это хорошо, что моя супруга осталась в Петербурге. Иногда она со своими наставлениями делается вовсе несносной. В последнее время постоянно норовит давать мне советы. И ладно бы еще по хозяйственным делам, по тому, какой держать выезд, да как лучше украсить залы в Павловском дворце! А то ведь перед самым нашим отъездом из столицы Мария Федоровна пустилась рассуждать о нашем имеющем быть союзе с английской королевой! Неслыханное дело!

– Не такое уж оно неслыханное, ваше величество, – заметил Кутайсов. – Ваша царственная супруга уже год как тшится оказать влияние свое на ход государственных дел. И мне ведомо, почему она так поступает.

– Вот как? И почему же?

– Ее величество в этих делах не своим умом рассуждают, а следуют внушению другого лица. И вы отлично знаете какого.

– Не темни, ты же знаешь, я этого не люблю. Что за лицо ты имеешь в виду?

– Госпожу Нелидову, ваше высочество, – заявил камердинер и на всякий случай отступил на шаг от императора. Ведь он хорошо знал бешеный нрав своего господина и благодетеля.

И правильно сделал: Павел так резко развернулся, так взмахнул своим маленьким сухим кулачком, что вполне мог бы задеть нос или другую часть лица своего камердинера и друга.

– Как ты смеешь об этом рассуждать! – вскричал император. – И ты туда же! Да, я провозжу с госпожой Нелидовой много времени наедине. Но тут нет ничего плотского! Мы предаемся утонченным размышлениям, ищем мудрости, говорим о возвышенном!

– А разве я говорил о чем-то плотском? – возразил Кутайсов. – Я всего лишь сказал, что Катерина Нелидова близка к вашей особе, стало быть, имеет влияние. И это она внушает вашей царственной супруге подступать к вам с разными советами.

– Вот как? Ладно, чего ты отошел? Завязывай шарф, да сделай, как я люблю, покороче. Да, вот так. Что ж, я тоже заметил, что госпожа Нелидова... что она стала дерзка, упряма... что забрала слишком много в свои прелестные ручки. Но что делать? Она так мила! Имеет столь возвышенный ум! Где еще я найду такую прелестницу? – И государь тяжело вздохнул.

Это был важный момент. Момент, которого брадобрей и камердинер долго ждал. Теперь нельзя было упустить представившуюся возможность. Надо было повести дело тонко, умно... Тут важно каждое слово. И первым делом надо согласиться с государем, выразить ему полное сочувствие.

– Да, найти даму столь же тонкой души – дело нелегкое, – сказал Кутайсов и вздохнул столь же тяжело, словно и сам страдал от той же нехватки. – Однако...

Тут он сделал значительную паузу. Надо было, чтобы император выказал интерес. Не выкажет – значит, так тому и быть. Значит, в другой раз придется начинать ту же беседу.

Однако Павел захотел узнать продолжение начатой брадобреем фразы.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он. – Что «однако»?

– Я хочу сказать, что дело это нелегкое, но возможное, – продолжил Кутайсов. – Что имеются на свете дамы и девицы столь же милые и исполненные превосходных качеств. Да что далеко ходить! Вот, извольте видеть, я только что вспомнил...

Ах, какое это было вранье! Уже месяц, не меньше, думал Иван Павлович над этой интригой – и вот «только что вспомнил»!

– Только что вспомнил, что здесь, в Москве, живет одна такая девица. Мне передавали из верных рук, что девица сия хотя и юна, но отличается острым умом. А главное – по уши, буквально по уши влюблена в Ваше Величество!

– Вот как? – заинтересовался Павел. – И как же зовут эту особу?

– Анна, ваше величество, ее зовут Анна. Она дочь сенатора Петра Васильевича Лопухина. Ей двадцать один год...

– Ну, не так уж она и юна... – буркнул самодержец.

– Свежа как персик! Само совершенство! Да вы сами сможете оценить, как только увидите.

– Когда же я увижу это твое совершенство?

– Да вот прямо сейчас и увидите! Сей же час, на балу. Она туда приглашена вместе с отцом.

– Вот как? Знаешь, поправь немного здесь. Да, теперь хорошо. Ну, как я выгляжу?

– Прекрасно, государь! У вас строгий и мужественный вид. Вы – истинный рыцарь!

Кутайсов знал, чем польстить императору. Сильнее всего на свете Павел хотел выглядеть именно как рыцарь и воин. Однако никогда не выглядел. Тут были бессильны и наряды, и усилия парикмахеров. Император, весьма похожий лицом на своего несчастного отца, был редкостно некрасив. Злые языки (за глаза, разумеется) называли его самым некрасивым мужчиной в империи и даже уродом. Особенно неприятным лицо Павла становилось, когда на него находили приступы ярости – а это случалось довольно часто. В это время самодержец всероссийский становился похожим на обитателя преисподней, как их изображают в некоторых церквях на клиросе. Впрочем, и в другие, обычные моменты оно не делалось приятным. И только когда он глубоко задумывался или слушал хорошую музыку, морщины на его лице разглаживались, глаза делались больше, и облик самодержца становился привлекательным.

– Что ж, значит, можно и выходить, – произнес Павел. – Как, говоришь, зовут твою пассию? Анна?

– Так точно, государь, Анна Лопухина. Да я ее подведу к вашему величеству, представлю. Может, вы соизволите станцевать с ней менуэт или экосез...

– Может, и соизволю. Сначала надо посмотреть на эту девицу. Расписывал ты ее хорошо, а вот какова она на самом деле?

– Тут ведь не только красота важна, государь, – напирал Кутайсов, стремясь закрепить полученный успех. – Тут важно устремление юной девушки, которая только и мечтает...

– Да, помню, ты говорил. Но когда же она девица успела в меня влюбиться, живя в Москве? Разве она выезжала в Петербург? Что-то я не помню, чтобы мне представляли кого из Лопухиных...

– Нет, государь, в столицу она не выезжала, это вы верно заметили. Анна видела вас в прошлом году, на торжествах по случаю вашей коронации. Ведь вы тогда соизволили приехать в Белокаменную, вот она вас и видела. И весь прошедший год только о вас и думает. По крайней мере, верные люди мне так передавали.

– Верные люди? Интересно, интересно... А ты мне, часом, не врешь?

– Что вы, государь, как можно?! – воскликнул Иван Павлович, и на лице его выразилась обида.

– Ладно, ладно. Знаю, что ты мне верен. Побольше бы таких верных и преданных... Ну, ладно, увидим, какова твоя Анна. Все, иди объявляй мой выход.

Кутайсов с поклоном удалился в следующий зал, где собрались важнейшие из московских сановников – они первыми должны были приветствовать императора при его выходе. В душе брадобрея и верного соратника Павла пели трубы. Интрига, на которую он затратил столько усилий, кажется, удавалась...

Глава 2

Тут необходимо дать некоторые пояснения. Прежде всего нужно признать, что Иван Павлович своему государю все-таки лгал. Никакие верные люди не доносили ему о том, что девица Лопухина будто бы страстно увлечена самодержцем. Не доносили, потому что такого увлечения вовсе не было – Кутайсов его просто выдумал.

Анна Лопухина была обыкновенная московская барышня на выданье, и выданье это, надо признать, не слишком удавалось. Сидеть в девках до такого возраста, до двадцати одного года, в те времена считалось несчастьем. Впрочем, винить в этом надо было никак не саму Анну.

Она не была красавицей, не отличалась глубоким умом, не получила хорошего образования. Зато имела добрый нрав, не любила ни о ком злословить и без конца перемывать косточки ближним, что являлось любимым занятием большинства московских барышень. К тому же она была весьма мила – не красива, а именно мила. Современники говорили, что старшая дочь сенатора Лопухина отличается необыкновенным очарованием. А еще она была не болтлива, внимательна к домашним – превосходные качества для девушки, собирающейся стать чьей-либо супругой. Почему же в таком случае она не имела женихов? В этом печальном обстоятельстве, как и в отсутствии у Анны хорошего образования, виноват был прежде всего ее отец, сенатор Петр Лопухин. Люди, знавшие сенатора, характеризовали его как человека волевого, умного, но при этом скупого и мстительного, который за всю жизнь никому не помог, никому не сделал ничего доброго.

Анна рано осталась без матери. Ее мать, Прасковья Дмитриевна, урожденная Левшина, умерла от горячки, когда девочке едва исполнилось восемь лет. Петр Васильевич, оставшись вдовцом, горевал недолго и в том же году женился вторично. Его новая избранница, Екатерина Шетнева, которая должна была заменить мать троим детям сенатора, никак не могла этого сделать в силу своего характера. Она была взбалмошна, ветрена и весьма падка на мужское внимание. Даже для екатерининского времени, снисходительного к супружеским изменам, ее поведение казалось чрезмерным: молва твердила, что новая супруга сенатора Лопухина умудряется иметь одновременно до пяти любовников! Особенно благоволила новая жена сенатора красивому офицеру Федору Уварову. Впрочем, Петр Васильевич не отставал от молодой жены, они, что называется, нашли друг друга.

Понятно, что при таких родителях дети оставались заброшенными. Например, Анна не выходила в свет и не бывала на балах аж до двадцати лет. Откуда же в таком случае взяться женихам? Ей не нанимали учителей, не было у нее и хорошей гувернантки, ее никто не учил манерам, принятым в высшем обществе. Удивительно, как в таких условиях девочка вообще чему-то научилась.

Однако ведь научилась же! Она умела читать и писать (правда, не очень грамотно), изъяснялась по-французски, что было обязательным для дворянской девушки того времени. А главное, она, хотя и не была наделена от природы глубоким умом, отличалась сообразительностью и большой чуткостью. Анна прекрасно понимала, что собой представляет тот или иной человек и как следует относиться к нему и его словам. А еще она была мечтательна. Как и всякая девушка, она мечтала о любви, думала о супружестве, представляла себе своего будущего суженого...

Известие о том, что они всей семьей приглашены в Александрийский дворец на бал по случаю приезда в Москву государя императора, привело Анну в смятение. Ей очень, очень хотелось попасть на этот праздник (ведь она совсем не была избалована частыми выездами), но у нее не было подходящего платья! Ее гардероб был весьма скромным, если не сказать убогим. Отец вообще не давал дочери денег на обзаведение, как мы помним, сенатор Лопухин отличался скупостью.

Но тут, как ни странно, на помощь Анне пришла ее мачеха. Екатерина Шетнева, ставшая Лопухиной, была женщиной в целом не злой. Узнав от нянек о нужде своей падчерицы, она отправилась к мужу и сделала ему строгое внушение, что негоже знатному человеку, сенатору, держать взрослую дочь в таком небрежении. То ли речь молодой супруги оказалась такой строгой, то ли еще по какой причине, но Петр Васильевич осознал свою ошибку и выделил необходимые средства. Был куплен лучший атлас, кружева, нанят хороший портной, и работа закипела. Теперь Анна могла быть уверена, что на балу в присутствии государя она будет выглядеть не хуже других.

Пришло время сказать несколько слов о другом действующем лице этой истории, а именно о Иване Павловиче Кутайсове. Тем более что Иван Павлович был человеком совсем особенным, не похожим на других, и судьба у него была весьма причудливая.

Начать с того, что никто в точности не знал, как его звать на самом деле, имя его, и отчество, и фамилия были придуманы. Он появился в Петербурге десятилетним мальчиком, и был привезен с юга, с театра военных действий с турками. Но уже тут, в этот начальный момент, сведения о нем расходятся. Одна легенда говорит, что мальчик был турчком, взятым русскими войсками в плен при штурме крепости Бендеры, и что фамилия, впоследствии данная ему, происходит от названия турецкого селения Кютахья. Другая же история утверждает, что никакой он не турок, а грузин и взят русскими войсками при освобождении от турок города Кутаиси, отчего впоследствии и дали ему фамилию Кутайсов.

Так или иначе, но в столицу мальчика привез генерал Репнин и подарил как военный трофей императрице Екатерине Великой. А она, желая наладить отношения с сыном, в свою очередь презентовала мальчика наследнику. Там, в окружении Павла, он был наречен Иваном, а отчество получил по имени своего господина. Таким образом, будущий император стал маленькому пленнику своего рода отцом.

То ли нрав у маленького пленника был хорош, то ли еще почему, но Павел привязался к живому подарку и относился к нему почти как к сыну. По его настоянию мальчика обучили русскому языку, грамоте, разным наукам. Когда Иван подрос, Павел отправил его учиться искусству брадобрея за границу – в Париж и Берлин. В этой поездке Иван Кутайсов не только изучил основы своего ремесла, но и весьма расширил свой кругозор. Можно сказать, что из-за границы он вернулся другим человеком. Отныне и до конца жизни он занял должность брадобрея и камердинера при наследнике и сохранил ее, когда Павел стал российским самодержцем. Он, как никто, изучил капризный и причудливый нрав Павла Петровича, и ему никогда не приходилось попадать в опалу. Какая там опала! Не было у императора друга надежней и верней, чем бывший мальчик, без роду и племени. Став императором, Павел осыпал своего брадобрея наградами, пожаловал ему ордена Святой Анны, Святого Александра Невского и другие, возвел сначала в дворянское достоинство, а затем сделал графом и передал ряд богатых имений, так что Иван Кутайсов сделался богатым и знатным человеком.

Тут надо заметить, что у Ивана Павловича имелись две страсти, тесно соединенные. Одна – страсть к интригам, к тому, чтобы постоянно держать руку на пульсе придворной жизни. В самые государственные дела он не лез, на прерогативы могущественного канцлера Безбородко не претендовал, однако хотел всегда контролировать то, что происходило в окружении императора. А второй его страстью (и она очень шла на подмогу первой) было сводничество. Кутайсов любил находить для Павла женщин, которые могли бы его утешить в минуту охлаждения отношений с супругой Марией Федоровной.

О Марии Федоровне следует сказать особо. Принцесса София Вюртембергская, в замужестве за русским цесаревичем крестившаяся в православную веру под именем Мария, была женщиной чрезвычайно спокойной, уравновешенной и волевой – то есть полной противоположностью своему супругу. Быстро осознав эту разницу в характерах, Мария Федоровна, еще

в бытность ее супруга наследником трона, решила стать главной в семье. Отчасти ей это удалось. Одним из препятствий, мешавших ей полностью подчинить Павла своей воле, она считала Ивана Кутайсова, поэтому между ними сложились крайне неприязненные отношения. Попросту говоря, оба терпеть друг дружку не могли. Ирония судьбы состояла в том, что никто из них не мог избавиться от соперника. Мария Федоровна была для Павла хорошей женой, подарившей ему, одного за другим, десять детей. И император любил свою жену, искренне любил. Но столь же сильно он был привязан к бывшему пленному турчонку (или грузину) – единственному человеку, которому мог доверить свое незащищенное перед острой сталью горло.

Вошел в историю эпизод, когда, на третий год своего царствования, областав Кутайсова сверх всякой меры и пожаловав ему графский титул, Павел велел ему оставить свое брандмейстерское ремесло и передать бритву и помазок одному из гвардейских фельдшеров. Кутайсов заявил, что затея эта пустая, ничего из нее не выйдет, но что противиться воле императора он не станет. К назначенному сроку он подготовил нового брандмейстера, обучил его всем тонкостям ремесла и привел в покои императора. Свеженазначенный брандмейстер взял свой инструмент, подошел к самодержцу... И тут, некстати, вздумалось ему взглянуть на своего «клиента». Увидев вблизи свирепый взгляд государя, от которого, бывало, дрожали генералы, фельдшер побледнел, руки у него задрожали, и бритва стала ходить в них ходуном. Император посмотрел на эту картину, махнул рукой и сказал: «Ладно уж, Иван, брей ты!»

Так что во дворце сложилось безвыходное положение, когда двое самых близких к императору людей ненавидели друг дружку, но избавиться друг от друга не могли.

Чтобы как-то ослабить влияние Марии Федоровны на императора, Кутайсов начал знакомить его с молодыми красивыми дамами, которые могли скрасить его досуг, особенно в те дни, когда у государя случалось охлаждение с супругой. Таким образом он нашел для императора Катю Нелидову, которая быстро стала фавориткой Павла. Однако Нелидова оказалась женщиной слишком умной и самостоятельной. Она сумела найти общий язык с императрицей, две женщины подружились – и общими усилиями стали вдвое сильнее интриговать против Кутайсова и влиять на императора Павла.

Вот почему ближайший сподвижник императора стал подыскивать для государя новую спутницу. И в ходе этих поисков некие доверенные люди (которые у Ивана Павловича имелись) сообщили ему о подходящей кандидатуре, дочери московского сенатора. Чтобы проверить эти сведения, Кутайсов не поленился в конце 1797 года съездить в Первопрестольную, чтобы лично взглянуть на новую кандидатку. Взглянул – и остался доволен. Оставалось только возбудить у Павла интерес к никому не известной участнице бала, для чего придумать чувствительную историю. А на это Иван Павлович был большой мастер. Вот почему сенатор Петр Васильевич Лопухин получил приглашение на бал в Александрийский дворец не только для себя, но и для всей семьи (в приглашении специально указывалось «с дочерьми»), и вот почему император, идя на бал, хорошо помнил о девице, якобы пылающей к нему страстью. Одна только Аня ни о чем не подозревала...

Глава 3

Стоя в толпе гостей, Анна вместе со всеми ожидала выхода государя. Рядом стояли ее отец и младшая сестра Прасковья. Мачеха Ани, Екатерина Лопухина, на бал прибыть не могла, ибо была на сносях. Другая сестра Ани, Катя, стояла неподалеку, но отдельно от членов семьи, потому что в прошлом году, в возрасте пятнадцати лет, она сумела привлечь внимание знатного и богатого дворянина Григория Демидова, получить от него предложение руки и сердца и выйти замуж. Аня иногда испытывала к сестре нечто вроде ревности: ну почему ей такое счастье? И страстно мечтала о том же. Может быть, здесь, на балу, она встретит его, своего суженого?

Ее размышления прервали громкие звуки марша. Взгляды всех были прикованы к высоким дверям в дальнем конце зала. Вот они распахнулись, и показалась невысокая, но стройная, подтянутая фигура государя в синем камзоле и белоснежном парике. Все присутствующие склонились в глубоком поклоне. Павел, проходя, милостиво кивал головой по сторонам, приветствуя собравшихся. Не доходя до середины зала, он остановился, и оркестр тут же смолк. Император обвел взглядом столпившихся вокруг него людей, при этом у него был вид, словно он кого-то искал. После чего Павел слегка улыбнулся и произнес:

– Но отчего я вижу мало веселья? Разве у нас сегодня не бал?

Вопрос самодержца не мог остаться без ответа, и князь Куракин, стоявший рядом с ним, ответил:

– Да, ваше величество, нынче у нас бал.

– Так пусть же будет бал! – провозгласил государь. – Музыка!

Грянул оркестр, люди зашевелились, задвигались, кавалеры спешили пригласить дам. Первым танцем был менуэт. Надо заметить, что в европейских столицах менуэт, равно как и экосез и другие танцы прежних времен, уже выходил из моды, уступая дорогу вальсу. Этот танец уже проник и в Россию, приезжие иностранцы, прежде всего эмигранты, бежавшие из охваченной революцией Франции, знакомили с ним русское дворянское общество. Надо заметить, что вальс сразу понравился русской публике, причем одинаково и женской, и мужской ее части. Ни в каком другом танце не было возможности находиться так близко к интересующему тебя предмету, стиснуть ручку, шепнуть несколько слов на ушко... Казалось, вальс, наряду с пришедшей из Польши мазуркой, совершенно вытеснит чинные движения прежних времен. Но тут неожиданно последовало повеление из Зимнего дворца – императорская чета, и в первую очередь сам император, нашла вальс танцем слишком дерзким и опасным для нравов, а потому в высшем свете он был запрещен. Новый танец продолжали танцевать, но только в частном порядке, в домах и поместьях, и то тайком.

Итак, оркестр заиграл менуэт, и кавалеры направились в сторону дам, приглашая их. Аня замерла в ожидании: пригласят или не пригласят? Может быть, вот тот статный гвардеец? Или этот молодой поручик-улан? Кажется, он направляется как раз в их сторону... Ах, нет, прошел мимо...

Она высматривала, ждала – и не дождалась. Никто ее так и не пригласил. Впрочем, сестру Прасковью тоже не пригласили, да и некоторых других дам, и это служило некоторым утешением. «Ничего страшного, – говорила себе Аня. – Это всего только первый танец, весь бал впереди».

На императора она при этом вовсе не смотрела. Не то чтобы девушка испытывала к нему какие-то неприязненные чувства или он ей не нравился, нет, она просто не думала о нем как о кавалере. Аня Лопухина, в отличие от многих из числа приглашенных, не боялась государя, имевшего репутацию самодура, обладающего бешеным нравом, с чего бы она стала его бояться? Просто они жили в разных мирах.

Однако, хотя она и не смотрела на Павла, все же заметила, что на первый танец он не пригласил никого из дам, а продолжал стоять в сторонке, посматривая на танцующих. А еще заметила стоящего рядом с государем господина в богатом камзоле с тремя орденскими лентами. Человек этот, склонившись, все шептал что-то на ухо императору, а тот при этом поворачивал голову, словно высматривал кого-то в толпе. Причем Ане показалось, что Павел почему-то смотрит в ее сторону. У нее даже возникло странное ощущение, что спутник императора шепчет ему именно о ней. Она встряхнула головой, отгоняя глупую мысль. Почудится же такое!

Между тем оркестр на время смолк, отчего стал слышен говор толпы. А потом заиграл снова, на этот раз экосез. Анна приняла небрежный вид, приличествующий для девушки, которая не хочет показать, как она ждет приглашения, но при этом внимательно поглядывала по сторонам. Ах, если бы ее пригласил вон тот высокий юноша! Или...

И тут она с нарастающим удивлением заметила, что император покинул свое место в боковой части зала и направляется в ее сторону. Анна оглянулась вокруг себя: интересно, кто мог привлечь внимание его величества? Отца, сенатора Лопухина, рядом с ней давно не было: он с самого начала бала увивался вокруг молодой баронессы Полонской. Может, император хочет пригласить на танец одну из стоящих рядом с ней дам или девиц? Например, вон та блондинку, чье платье украшено жемчугом? Или даму постарше, брюнетку? Да, скорее брюнетку – блондинка не такая высокая, а государь, говорят, предпочитает дам выше его...

Тем временем Павел подходил все ближе, ближе... И, прежде чем Анна с ужасом поняла, куда именно он направляется, государь оказался рядом с ней, и она услышала его голос, говоривший:

– Не согласитесь ли вы, сударыня, составить мне партию для экосеза?

Ах, ведь что-то надо отвечать! И как-то поклониться! Она толком не знала ни того ни другого – ведь ее не учили. Она что-то пробормотала – сама не могла понять, что именно, но смысл был: да, согласна. Подала руку и тут, в последнюю секунду вспомнив, что, кажется, полагается сделать реверанс, изобразила этот реверанс, как смогла. Не успела опомниться, как ее уже вели к центру зала, люди вокруг расступались, и все взоры были обращены на нее, на них.

Партнер сделал первый поворот... И в этот момент ее волнение немного улеглось, ведь она умела танцевать, все домашние признавали, что танцует она неплохо, хорошо двигается. Мачеха, Екатерина Николаевна, особенно хвалила умение падчерицы точно следовать за движениями партнера. Вот и теперь она, словно в зеркале, повторяла все па, все наклоны и повороты своего партнера.

В середине танца был момент, когда танцующие сближались и делали несколько движений совсем рядом. Не так близко, как в вальсе, конечно (ах, она обожала вальс!), но достаточно. И она услышала, как человек в синем камзоле, повелевавший всей империей, произнес:

– А вы хорошо танцуете! И так милы! Почему никто не пригласил вас на первый танец?

Этот человек, перед которым все трепещут! Невысокий, некрасивый, со слишком большими глазами и маленьким слабым ртом! Тот, по чьему велению бал начался – а может и закончиться, если он того захочет! И Он говорит с ней! Да, но ведь надо что-то ответить!

– Я не знаю, ваше величество, – произнесла Анна, стараясь, чтобы голос не дрожал и не звучал слишком тихо, – вероятно, здесь есть дамы достойнее меня.

– Какой прекрасный ответ! – восхитился Павел.

Он перестал улыбаться, совсем перестал, смотрел на нее испытующе, словно что-то старался понять. Хотел еще что-то сказать, но подошла следующая фигура танца, и надо было расходиться. И они разошлись, и снова начались поклоны, повороты... А потом вдруг стало тихо, и человек в синем камзоле взял ее за руку. Что случилось? Ах да, ведь танец кончился! Он должен проводить ее обратно. Вот, проводил, любезно поклонился (теперь она не ударила

в грязь лицом: согнулась в низком реверансе) и пошел обратно, где ждал его тот, с орденскими лентами.

Только сейчас, оставшись одна, она осознала значение случившегося. Осознала по тому, как на нее смотрели окружающие. Собственно говоря, такое случилось впервые в ее жизни – чтобы на нее смотрел кто-то, помимо членов ее семьи и дворовых слуг. А тут... Величественные дамы, чьи платья были украшены жемчугом и бриллиантами, их важные спутники с орденскими лентами на шее, статные офицеры в красивых мундирах, с замечательными усами, девицы, ее ровесницы, – все они глядели на нее, словно на какую-то диковину. В их взглядах читалось изумление, зависть, желание понять случившееся. Ах, она сама хотела бы это понять! Ясно было только одно: государь, который редко удостаивал дам своим вниманием, почему-то выбрал ее. Значило ли это, что она хороша? Вероятно, да. Даже наверняка – да. Иначе почему бы он направился именно к ней? Выходит, что она, которую отец с мачехой считали дурнушкой (а за ними и сестры туда же), – красива, настолько красива, что может заинтересовать разборчивого императора.

Этот вывод нашел подтверждение уже в следующую минуту, когда оркестр снова заиграл контрданс, и к Анне с разных сторон устремились сразу два кавалера – тот самый белокурый юноша, о котором она думала, и высокий статный офицер. Она отдала предпочтение офицеру. Потом ее пригласил важный господин с пышными бакенбардами, по всей видимости, в больших чинах, и снова офицер, но уже другой... И так до самого конца бала она оставалась в центре внимания. Теперь ей уже не приходилось скучать и выискивать в толпе – кто же ее пригласит? От постоянного движения она покраснела, похорошела и больше уже не сомневалась, что император выбрал ее именно что за красоту.

За всеми этими приглашениями Анна и не заметила, в какую именно минуту человек, так стремительно изменивший ее положение среди приглашенных, покинул бал. Император ушел незаметно, а веселье продолжалось. Впрочем, очень долго оно длиться не могло: все знали, что государь ложится рано, встает ни свет ни заря и не любит ночного шума. Поэтому спустя час после ухода Павла распорядитель скомандовал оркестрантам сыграть последнюю мелодию и покинуть зал. Публика тоже стала расходиться.

Заслуживают внимания два разговора, состоявшиеся в этот вечер в разных местах Москвы.

В доме Лопухиных шла беседа между супругами: Петр Васильевич делился впечатлениями от прошедшего бала, а жена его внимательно слушала.

– Государь был сегодня в весьма хорошем расположении, – заметил Лопухин. – Признаться, мне еще не доводилось видеть его величество столь покойным, он даже изволил несколько раз улыбнуться, а это редко бывает.

Петр Васильевич знал, что говорил: ведь его служба протекала успешно, он часто бывал в Петербурге, государь остался им доволен. Хотя особо и не отличил, но ни разу не распекал.

– Тебе лучше знать, ты государя часто видел, – сказала на это Екатерина Николаевна. – Но почему ты не говоришь о главном событии? Мне о нем поведала твоя младшая, Прасковья. Я, признаться, даже ушам своим не поверила, когда услышала. Правда это, что государь изволил станцевать экосез с Анной?

– Да, такое действительно было, – подтвердил Лопухин. – Признаться, я не слишком хорошо наблюдал этот танец, ибо был отвлечен... беседой с князем Чарторыжским.

Это было правдой только отчасти: Петр Васильевич действительно был отвлечен, но беседой с баронессой Полонской. И добился в ходе этой беседы нужного результата – они с баронессой условились о свидании в ее подмосковном имении.

Екатерина Николаевна догадывалась, что супруг обманывает, но оставила это без внимания – ведь она сама занималась тем же самым. К тому же сейчас ее волновало другое.

– Эка важность – беседа с князем! Тут твоя родная дочь танцует с государем, а он глазами хлопает! Да ты понимаешь, что это может означать? Внимание всех знатных людей Москвы, самых богатых родов! Признаться, мы с тобой не слишком занимались судьбой твоей дочери. Но государь за нас исправил наше упущение. Теперь к нам в дом могут пожаловать молодые люди, которые будут интересоваться Анной. А знаешь, что еще может сделать государь? Его величество может приблизить Анну к себе. И там, при дворе, она легко составит себе самую лучшую партию.

– Что ж, да, такое не исключено... – согласился сенатор.

– Таким образом, мы будем избавлены от хлопот по поиску ей жениха. Да и приданое большое не потребуется. Правда, было бы еще лучше, если бы государь приблизил к себе не только Анну, но и тебя, и всю нашу семью. Но такое вряд ли возможно...

Екатерина Лопухина не говорила бы таких слов, если бы могла подслушать разговор, состоявшийся двумя часами ранее в Александрийском дворце. Это был разговор между императором и его верным камердинером Иваном Кутайсовым. Царедворца Кутайсова настолько волновали впечатления, вынесенные государем с бала, что он прогнал всех слуг и сам начал раздевать Павла и готовить его ко сну. Попутно осмелился задать волнующий его вопрос:

– Ну, что, государь, как вам показалась юная Анна Лопухина? Я видел, что во время танца вы изволили сказать ей несколько фраз...

– Да, мы поговорили, – кивнул Павел. – Всего несколько фраз, ты прав. Но как по одному когтю или по одному рыку можно без ошибки узнать царя зверей, так и по нескольким словам можно угадать душу человека. И знаешь, что мне показалось? Что эта девушка – натура тонкая и изящная, она обладает возвышенной душой. А кроме того, еще и весьма мила.

– О, ваше величество, как я рад таким вашим словам! – воскликнул Кутайсов. – Я знаю, что в устах вашего величества такая похвала является наивысшей. Вы никогда не хвалите женщину за ее статью, за фигуру, а только – за богатство души. И если нашли в вашей юной партнерше изящную душу, стало быть, она вам воистину понравилась!

Кутайсов говорил истинную правду. Павел, при всей его некрасивости, даже уродстве, не был обделен женским вниманием: был женат вторым браком, имел несколько любовниц. Он, конечно, ценил женскую красоту и понимал в ней толк. Но выше красоты – гораздо выше! – ставил душевные качества партнерши.

Между тем «творец и создатель» новых императорских пассий вел свою интригу дальше.

– Жаль только, что ваше величество не смогут часто видеть эту милую девушку, – заметил он. – Ведь вы не так часто бываете в Москве, а юная Анна никогда не посещает Петербург...

– Да, я уже думал об этом, – с важностью кивнул Павел. – И, знаешь, нашел выход. Я переселю эту девушку в столицу. Разумеется, не одну: ведь я не какой-то восточный владыка, который набирает себе рабынь для своего гарема. Нет, я дам отцу этой девушки, сенатору, хорошую должность. Например, назначу его генерал-прокурором – сейчас этот пост у меня не занят. Тогда он переедет в Петербург со всей семьей, и я смогу видеться с этой милой Анной так часто, как захочу.

– Прекрасная мысль, ваше величество! – воскликнул Кутайсов. – Достойная такого человека, как вы, – человека с благородной душой и щедрым сердцем!

– Ладно, ладно, ты же знаешь, я не люблю лести, – слегка поморщился Павел. – Ступай, я хочу спать. Да скажи там, чтобы заканчивали танцы. Ведь все участники этого бала – люди служивые, и завтра им надо быть на службе.

Кутайсов с поклоном удалился.

Глава 4

Тем майским вечером жизнь Анны Лопухиной круто изменилась. Вокруг нее словно бы закрутился некий вихрь, вовлекавший в себя, по мере его разрастания, все новых и новых людей. Но, как бывает и в случае с настоящими, природными вихрями, в самом центре этого грозного явления царило спокойствие: сама Анна до времени не знала о том, что вокруг нее затеваются важные перемены.

Разумеется, она размышляла о событии, произошедшем на балу, о неожиданном внимании к ней государя, однако, будучи о себе довольно низкого мнения, не придала этому поступку Павла особого значения. «Верно, взгляд его величества вдруг остановился на моем лице, – думала она, – и он решил начать танец со мною, простой девушкой, чтобы тем поощрить всех простых, незаметных девушек, бывших на балу. Или еще какая причина могла им подвигнуть, о каковой я никогда не узнаю. У него, верно, не было ко мне особого интереса – ведь больше он не подошел, даже, как мне кажется, ни разу не взглянул в мою сторону. Однако я всегда останусь ему благодарна – ведь после его поступка на меня сразу обратили внимание другие кавалеры, и я не оставалась одна до самого окончания бала».

И Анна стала вспоминать этих других кавалеров, танцевавших с нею. Особенно запомнился один – высокий статный офицер, показавшийся ей удивительно красивым. Она уже успела узнать его имя, это был юный князь Павел Гаврилович Гагарин. И их танец произвел на нее куда большее впечатление, чем экосез с императором.

Между тем этот экосез имел свои последствия – те самые, что предвидела ее мачеха. В дом сенатора Лопухина на Пречистенке стали наезжать молодые люди, представители знатных родов. Разумеется, они не объявляли о намерении непременно вступить в брак с дочерью сенатора, но этого и не требовалось – по обычаям того времени у визита молодого человека в дом, где имелаась девушка на выданье, был только один смысл. Кроме того, Лопухиных стали чаще приглашать на званые вечера и балы. Так что теперь Анна уже не сидела в четырех стенах – она, что называется, была нарасхват.

Екатерина Дмитриевна настояла, чтобы ее скуповатый муж выделил дополнительные средства на покупку для Анны нарядов, так что в течение июня в доме сенатора постоянно бывали модные портные, Анне одновременно шили три платья, тачали башмаки, выходные и бальные. А тут еще подоспело другое событие в жизни семьи – в конце июня Екатерина Николаевна разрешилась от бремени, родив девочку, названную Соней.

И среди всех этих хлопот, радостных для Анны и немного утомительных для сенатора Петра Васильевича, как гром среди ясного неба прозвучало известие из Петербурга. Император Павел Петрович, успевший в течение июня завершить свою поездку по России и вернуться в столицу, призывал Петра Лопухина также прибыть в Петербург. Своим именным указом государь назначал сенатора Лопухина столичным генерал-прокурором, с присвоением ему чина тайного советника. Особым пунктом указа новому генерал-прокурору предписывалось прибыть к месту службы не одному, но со всем семейством. Ему даже был определен особняк для проживания семьи – просторный дом на Литейном проспекте, являвшийся собственностью короны.

Когда сенатор, обрадованный, но слегка растерянный неожиданно свалившимся на него новым назначением, явился к супруге, чтобы сообщить о случившемся, Екатерина Николаевна воскликнула:

- Вот оно, то самое, что я тогда говорила!
- Что говорила? – удивился Лопухин.

– А ты разве не помнишь? Тогда, в мае, когда государь на балу обратил внимание на твою дочь, я сказала, что он мог бы призвать тебя в столицу, чтобы чаще видеться с Анной. Так оно и случилось!

– Ты что же, считаешь, что своим назначением я обязан Анне? Обязан одному танцу?

– Истинная правда! И чего тут удивляться? Разве ты не знаешь подобных историй в прошлые царствования? Как возвысился князь Потемкин при императрице Екатерине? И другие приближенные? Один танец очень многое может изменить! Очень многое! Но знаешь, что я тебе скажу?

– И что же?

– Что с этого дня ты должен совершенно изменить свое отношение к дочери. Тебе надлежит относиться к Анне со всем возможным почтением, равно как к особе знатной и могущественной.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать... – пробормотал новоиспеченный генерал-прокурор. – Но все это так неожиданно...

– Ничего, привыкнешь. Если не хочешь стать дурнем, не понимающим своей удачи, привыкнешь. Через Анну мы сможем получить весьма многое.

– Да, но все это будет лишь в том случае, если она захочет... если она тоже поймет свою выгоду. А я боюсь, что моя дочь... недостаточно развита, и хотя лет ей немало, душой еще совсем ребенок. Она может не понять...

Петр Лопухин хотел сказать «она не захочет стать любовницей Павла», но постыдился это выговорить. Впрочем, жена отлично его поняла.

– Напрасно ты считаешь Анну глупой, – сказала она. – Хотя я ей и не мать, но успела достаточно изучить ее натуру. Возможно, она не разбирается в государственных делах, да ей это и не надо. Зато она вполне разбирается в вопросах житейских.

В тот же день Петр Лопухин сообщил дочери о своем новом назначении и предстоящем переезде в Петербург. Анна восприняла это сообщение с интересом, но без восторга. И никак не связала возвышение своего отца и его приближение к императорскому двору с тем майским вечером в Александрийском дворце, с несколькими фразами, которыми она обменялась с самодержцем.

Одной из особенностей характера Павла – надо признать, тяжелых особенностей – была его всем известная нетерпеливость. Всякое желание государя, всякая его прихоть, вплоть до самых причудливых, должна была исполняться немедленно, и без разговоров. При малейшем промедлении он впадал в бешенство, и горе тем, кто в эту минуту попадался ему под руку. Так было и в этот раз. Не успел Петр Лопухин начать сборы в дорогу (а ведь перевезти целую семью было делом чрезвычайно хлопотным), как из Петербурга прискакал гонец с царским повелением ускорить переезд и быть на новом месте никак не позже середины июля. Повеление было составлено в таких выражениях, что Петр Лопухин, уже успевший изучить характер самодержца, не посмел ослушаться. Все обстоятельные сборы тут же забылись, и Петр Васильевич с женой и двумя дочерьми, Анной и Прасковьей, с самым малым числом слуг, почти без вещей, всего в трех каретах, уже на следующий день отправился в Северную столицу.

Ехали почти без остановок и уже спустя четыре дня достигли столицы империи. Тут Петр Васильевич тоже не дал себе отдыха: еще на заставе, узнав, что государь нынче пребывает в своей летней резиденции в Петергофе (Павел летом старался не жить в городе, находясь то в Царском, то на берегу моря, в Петергофе, то в милом его сердцу Павловске), он велел скакать туда. К вечеру семья, порядком уставшая, прибыла к воротам царской резиденции, и Петр Васильевич потребовал доложить государю о своем прибытии.

Новый генерал-прокурор надеялся, что уж тут, что называется, его душу отпустят на покаяние. Но ошибся. Не успел дежурный офицер добежать до дворца (при Павле дежурные все бегали – такой он установил порядок), как на дорожке показалась целая процессия. Впереди

свиты из блестящих генералов и разряженных дам вышагивал маленький человек в мундире Преображенского полка. Узнав государя, вся семья Лопухиных вышла из карет и с поклонами приветствовала его.

– Приехали наконец, вот славно! – произнес Павел, подходя, а вернее, подбегая к бывшим. – А это твоя супруга? Рад, сударыня, весьма рад. Устали? Голодны? Ничего, это все пустяки. А где милая девица, украшение московских балов?

– Разрешите, государь, представить вам мою дочь... – начал Лопухин.

– Да, вижу, вижу, вот она!

Он неожиданно шагнул к Анне, она с некоторым опозданием догадалась протянуть руку, и государь запечатлел на ней свой поцелуй. Потом еще раз взглянул пытливо и произнес:

– Ну, теперь езжайте скорей, отдыхайте. Завтра чтобы уже приступил к службе, непременно! И через два дня жду с докладом. А вас, сударыня, – повернулся он к Екатерине Николаевне, – завтра же жду с дочерью на чашку чая. В Павловске, в моем дворце. Непременно! – После чего повернулся и так же стремительно двинулся обратно. В этом был весь Павел, таков был его стиль.

Так началась жизнь семейства Лопухиных на новом месте. Первые дни, пока не прибыл обоз со всеми вещами, слугами, поварами, припасами и посудой, жить во дворце на Литейном было диковато: не хватало самой необходимой одежды, нечего было есть, не на чем спать. Вся мебель во дворце стояла в чехлах, а в некоторых комнатах вообще отсутствовала. Во всем огромном дворце их было, включая слуг, не больше дюжины; пустота помещений пугала, особенно по ночам. Однако делать нечего, приходилось терпеть.

Петр Васильевич, как ему было предписано, на следующий день отправился на Васильевский остров, где размещалась прокуратура. А Екатерина Николаевна с дочерьми, захватив все деньги, какие привезли с собой из Москвы, отправились по магазинам: покупать кружева, чепцы, ленты, а еще мази и притирания, без которых ни одна уважающая себя женщина не могла выйти в свет, не то что отправиться к самому императору.

Едва успели все купить, примерить, пристроить, а уже надо было ехать в Павловск. Впрочем, эта суета их ничуть не утомила. У всех троих было хорошее настроение и предчувствие каких-то необыкновенных, радостных событий. Причем больше всех радовалась супруга генерал-прокурора Екатерина Николаевна, так радовалась, что всю дорогу напевала себе под нос какие-то песенки из французских оперетт. Какой взлет! Из московского общества – пусть знатного, но провинциального – она переходила в самый высший свет, в окружение самого императора! А Екатерина Николаевна не сомневалась, что она, со своим умом и знанием людей, сможет закрепиться подле падчерицы.

Младшая Лопухина, Прасковья Петровна, тоже была рада перемене в своем положении. Впрочем, она, по молодости лет, еще не вполне понимала всю важность этой перемены.

Что же касалось виновницы всех этих событий, Анны, то она прежде всего любовалась пейзажем, открывавшимся за окном кареты. Когда они миновали окраины Петербурга и въехали в обширный павловский парк, она, что называется, прилипла к окну и глядела во все глаза. Как тут было красиво! Деревья росли не просто так, а по замыслу парковых мастеров, образуя живописные группы. От главной аллеи, по которой они ехали, в стороны отходили дорожки, посыпанные красной крошкой. То здесь, то там среди деревьев открывались площадки, на которых стояли мраморные или бронзовые статуи. Вот слева мелькнула речная гладь – то была речка Славянка, покрытая кувшинками и лилиями.

Что же касается человека, по чьему велению была создана вся эта красота и по чьей воле их семья тронулась с места и оказалась на берегах Невы, – о нем Анна думала мало. Она вовсе не сознавала своей роли в произошедших переменах. Да, она знала, что на балу удостоилась внимания государя и, кажется, даже успела ему понравиться. Но чтобы из-за этого танца

ее отца назначили на генеральскую должность, вызвали в Петербург – это ей не приходило в голову. А Екатерина Николаевна не сочла нужным разъяснить падчерице это обстоятельство.

Но вот наконец карета выехала на открытое пространство, и перед глазами Анны предстал строгий, полный скрытой красоты дворец. Слуги распахнули двери, и дамы проследовали в любимую летнюю резиденцию императора. В вестибюле, отделанном каррарским мрамором, их ожидал мажордом, и с ним – тот самый человек, что был с императором на балу в Москве, – граф Кутайсов.

Отвесив положенный поклон Екатерине Лопухиной, он затем обратился к Анне:

– Рад приветствовать особу, что стала подлинным украшением московских балов, а теперь призвана стать таким же украшением гостиных Северной столицы! Идемте, государь ждет вас. Чаепитие состоится в Итальянском зале. – И двинулся по анфиладе зал, один прекраснее другого, указывая гостям дорогу.

Глава 5

Они вступили в зал, где между окон стояли античные статуи, а стены покрывали картины с видами Рима, Неаполя и других итальянских городов. Здесь был накрыт стол, а во главе стола сидел император. И вновь, как и в Петергофе, он не стал ждать гостей – сам вскочил и двинулся им навстречу.

– Весьма рад вас видеть, – приветливо произнес государь.

– Счастливы видеть ваше величество, – ответила Екатерина Николаевна, как старшая.

И они с Анной склонились в глубоком поклоне. Павел подал руку госпоже Лопухиной-старшей и проводил ее к месту, Анне же указал место напротив. Лакеи совершили свои выученные па, разливая чай и подавая угощения, и чаепитие началось.

Было заметно, что император находится в приподнятом настроении. Он расспрашивал дам о том, как они доехали, вместе с Екатериной Николаевной сетовал на состояние российских дорог, делился планами их улучшения и постройки шоссе, покрытых гравием, по образцу Франции. Он подчеркнуто оказывал всяческое внимание старшей Лопухиной, дабы она не чувствовала себя обойденной. Но при этом его глаза то и дело обращались в сторону Анны. Иногда он специально поворачивался к ней и задавал вопросы о том, как она находит Петербург, как ей показалось его любимое детище – Павловск. Анна отвечала, что самой столицы она пока еще толком не видела, а Павловск ей очень понравился.

– Здесь красиво, как бывает красиво во сне, – улыбнулась она. – Бывают такие сны, когда видишь какое-то замечательное место, прямо сердце сжимается от радости, как там красиво. Плохо только, что потом, когда проснешься, ничего толком не помнишь. А здесь я все запомню, и рассказать могу, и объяснить, что красиво и почему.

Павел слушал этот монолог с большим вниманием. А когда Анна умолкла, сказал:

– Кажется, я могу объяснить, почему вы не можете описать сих прекрасных мест, увиденных во сне. Это вы, по тонкости души вашей, смогли увидеть рай, райские места. Человеческий язык слишком груб, чтобы описать их устройство.

Девушка была поражена его словами.

– Ах, как верно вы сказали! – воскликнула она и, осознав свою оплошность, поспешно добавила: – Как верно вы сказали, ваше величество! Я и Библию когда читала, и святых отцов, где толкуют о райских кущах, думала, что человеку неуместно рассуждать о сих предметах, не может он их ни видеть, ни описывать.

– Так вы читаете Библию и святых отцов? – спросил Павел. – Это хорошо. А что еще изволите читать?

Анна назвала сочинения Ламартина, Руссо, Ричардсона и мадам Коттен. Павел одобрил всех, кроме Руссо, которого назвал «опасным вольнодумцем, который вряд ли подходит для юной девицы».

Екатерина Николаевна, невольно отставленная от общей беседы, была нисколько не в претензии. Она внимательно вслушивалась в каждое слово, произнесенное этими двумя людьми. При этом ей было совсем неинтересно, что ее падчерица думает о Павловске, или какие сны она видит, и какие книги читает (она только удивилась, где Анна эти книги умудрилась достать – в их московском доме библиотеки отродясь не водилось). Но зато ей было очень интересно, что об этих словах Анны думает самодержец всероссийский, с каким выражением он смотрит на юную девицу Лопухину. А это было выражение не просто внимания, а жадного внимания, всепоглощающего интереса. Было заметно, что Павел вовсе забыл и о чае, и о присутствии старшей дамы – обо всем. Но Екатерина Лопухина, повторимся, была не в претензии.

Внезапно разгоревшаяся беседа государя и его юной гостьи была прервана. Двери зала открылись, и вошла женщина в платье, украшенном изумрудами, с бриллиантовым колье на

шее и бриллиантовыми же украшениями в волосах. Это была императрица Мария Федоровна. Она была немного выше своего мужа и казалась старше его. Вероятно, такое впечатление возникало из-за излишней полноты государыни. Следовало также принять во внимание частые роды: за двадцать лет супружества Мария Федоровна подарила сперва наследнику, а затем и государю девять детей. Лицо ее, в общем, было приятным, но при этом отличалось чрезмерной властью и сухостью черт.

С появлением императрицы гости встали, государь же остался сидеть, причем лицо его выразило досаду. Однако супруга не обратила на это внимания. Подойдя к столу, она обратилась к Павлу:

– А вы, стало быть, принимаете гостей? Почему же я о том не знаю?

На обеих Лопухиных она при этом не обращала внимания. Однако Павел тут же исправил это упущение.

– Да, я принимаю гостей, и они не должны остаться в небрежении, – резко произнес он, продолжая сидеть. – Вот, извольте познакомиться: это Екатерина Лопухина, супруга нового генерал-прокурора Санкт-Петербурга, а это ее дочь Анна.

Мария Федоровна часто спорила со своим царственным супругом и всем говорила, что нисколько его не боится. Однако сейчас слова Павла были сказаны таким тоном, что императрица не осмелилась что-либо возразить. Она повернулась к Екатерине Николаевне, кивнула ей и протянула руку для поцелуя. Делая то же самое в отношении Анны, Мария Федоровна заметно скривилась и чуть дернула рукой, слегка ударив этим жестом гостью по губам. Причем сделала это, стоя спиной к Павлу, так что он ничего не заметил.

– Садитесь, ваше величество, выпейте с нами чаю, – предложил государь император.

– Что ж, извольте, – ответила императрица.

В полном молчании она села, и слуги разлили чай. По-прежнему царила тишина, никто не произносил ни слова. И в этой тишине особенно отчетливо и резко прозвучали слова Павла:

– Ваше величество, вам надлежит знать, что я сегодня пригласил госпожу Лопухину-младшую с особой целью.

– Вот как? – Мария Федоровна постаралась изобразить на лице любезность, но вышла кривая усмешка. – Что же это за особая цель?

– Представить ее вам, ибо вам предстоит теперь много времени проводить в ее обществе, поскольку я решил сделать Анну Лопухину вашей камер-фрейлиной.

При этих словах Екатерина Николаевна с трудом сдержала рвущееся из груди ликование. «Не может быть! – хотелось ей воскликнуть. – Сразу, только по приезде, – и такое возвышение! Что же будет дальше?» Анна выслушала новость спокойно, пожалуй, с некоторым удивлением. А вот императрица не смогла сдержать раздражения.

– Камер-фрейлина? – повторила она. – Но у меня есть три... четыре камер-фрейлины. И я остаюсь ими вполне довольна. Особенно хорошо исполняет службу госпожа Нелидова...

– Госпожа Нелидова больше не сможет оставаться в вашей свите, – сказал Павел, дергая щекой – это был верный признак приближающегося приступа гнева. – Она не может исполнять обязанности вашей фрейлины, поскольку потеряла мое расположение. И я не должен объяснять, почему так случилось! Слышите? Не должен, не должен, не должен! – Последние фразы он почти выкрикнул, топая ногами и брызгая слюной.

Мария Федоровна, привыкшая к этим приступам супружеского гнева, оставалась относительно спокойной, хотя и не осмеливалась возражать. Екатерина Николаевна, также наслышанная о неровном характере императора, также не подала признаков волнения. А вот на Анну случившаяся сцена произвела самое тяжелое впечатление. Она и не подозревала, что государь, только что говоривший с ней о литературе, о пейзажах рая, этот, видимо, тонкий, умный человек, может кричать и бесноваться, как последний грубиян. Она побледнела, замкнулась, вся ушла в себя.

Павел сразу заметил эту перемену в девушке, которая одна его сейчас интересовала. Заметил – и понял причину этой перемены. Он сдержал свой гнев, загнал его внутрь себя, отчего лицо его сделалось злым и неприятным, глаза сузились, губы сжались в тонкую полоску. Мария Федоровна, опять-таки хорошо разбиравшаяся в оттенках настроения своего супруга, тотчас это заметила – и поднялась с места. Она знала, что в таком состоянии сдержанного гнева Павел делается еще опаснее, чем когда срыгается и кричит. В приступе ярости он мог сорвать погоны с вызвавшего монаршее неудовольствие генерала, разжаловать его в рядовые, сослать в Сибирь – но назавтра, остыв, как правило, отменял эти решения. А вот когда он был таким, как сейчас, холодно-злым, он мог сломать человеку судьбу – и оставить так навсегда.

– Я поняла вас, ваше величество, – кивнула императрица. – Конечно, я буду рада видеть госпожу Лопухину в своей свите. Надеюсь, вы объясните ей распорядок нашего дня и ее обязанности. А сейчас я вас оставлю. – Она вновь милостиво кивнула дамам, при этом внимательно взглянув на Анну, и удалилась.

После ее ухода Павел попытался возобновить прерванную беседу, но из этого ничего не получилось: Екатерина Николаевна не могла поддержать разговора о музыке и искусстве, а Анна упорно молчала или же, если обращались прямо к ней, отвечала невпопад. Император, поняв, что вечер испорчен окончательно и сегодня уже ничего не исправишь, поднялся:

– Пожалуй, сегодня я не смогу уделить вам более внимания, меня ждут дела. Да и у вас, госпожа Лопухина, – обратился он к Екатерине Николаевне, – много забот по устройству жизни на новом месте. Что же касается вас, сударыня, – повернулся государь к Анне, – то мы вскоре увидимся. Раз вы теперь назначены камер-фрейлиной, вы часто будете бывать во дворце, и мы сможем продолжить нашу беседу. Прощайте!

...Всю дорогу, пока ехали обратно, Анна находилась в глубоком унынии. Теперь она – камер-фрейлина! Она должна служить, должна присутствовать при выходах императрицы. В этом деле столько тонкостей, надо знать каждый жест, контролировать каждое свое слово! Она обязательно что-то сделает не так! И потом, ей решительно не понравилась государыня. Как же она будет ей служить?

Екатерина Лопухина поняла, о чем думает падчерица.

– Напрасно ты беспокоишься, Аннет, – успокаивающе проговорила она. – Я полагаю, твои обязанности при дворе не будут тяжкими.

– Да, я понимаю, что мне не придется участвовать в решении государственных дел, – ответила Анна. – Но при дворе происходят торжественные выходы, приемы, прочие церемонии. Я не буду знать, где мне встать, где сесть, кому отвешивать полупоклон, а кому полный – ничего не знаю! Как же мне не беспокоиться?

– Да, согласна, ты не вполне знакома с этикетом, – заметила на это мачеха. – Но ведь это дело наживное, ты быстро научишься. И потом, тебе не придется так уж часто находиться в свите императрицы.

– А где же? Ведь я буду ее камер-фрейлиной!

– Камер-фрейлина – очень почетное звание. Почетно оно прежде всего тем, что позволяет круглый год находиться при дворе. Но «при дворе» – не значит «при императрице». Я полагаю, что гораздо больше времени ты будешь проводить с его величеством.

Эти слова мачехи смутили Анну.

– С его величеством? – переспросила она. – Как это?

– Разве ты не заметила, как охотно государь беседовал с тобой? Как увлекался этой беседой? Он просто глаз от тебя не отрывал! Я думаю, ты привлекла его внимание еще там, на балу в Москве, поэтому он и вызвал нас всех сюда. Теперь ему захочется общаться с тобой снова и снова. Ты должна быть к этому готова.

– Но... это так неожиданно! – в смущении произнесла Анна. Она явно была растеряна. – Вы говорите – беседовать с его величеством наедине... Но... разве это прилично? Что подумает ее величество? Что подумает двор?

– Это не должно тебя смущать, – решительно заявила Екатерина Николаевна. – Какое тебе дело до мнения двора? Да и императрица не так важна. Ты будешь беседовать с самим самодержцем! В этой сфере не может быть ничего неприличного! У государей другие правила, не такие, как у обычных людей. Подумай об этом! Тебе выпала редкая удача, которая не у всякого бывает.

Анна задумалась...

Глава 6

Обоз с одеждой, посудой и прочими вещами Лопухиных прибыл в Петербург лишь спустя десять дней, в начале июля. И только после этого жизнь в особняке на Литейном проспекте вполне наладилась. Генерал-прокурор и его супруга уже могли совершать выезды и приглашать гостей. Екатерина Николаевна немедленно воспользовалась этой возможностью, которой так долго была лишена. Теперь она могла устроить настоящий прием, не жалея для этого средств, ведь государь продолжал проявлять свою щедрость в отношении семьи Лопухиных. Петру Васильевичу были пожалованы пятьдесят тысяч рублей «на обзаведение», кроме того, ему было передано имение близ Гатчины, и в нем – 800 душ крепостных.

Генерал-прокурор, его жена, их дети – все члены семьи радовались прибытию обоза, для них это стало важным событием. Единственным человеком, совершенно не заметившим появления в доме знакомых вещей, была Анна. Слишком много важного случилось в ее жизни за эти десять дней, которые она провела в Павловске, с императорским двором. И то, что с ней случилось в эти десять дней, вызвало в душе девушки настоящую бурю.

...На другой день после их с мачехой общего визита в императорскую резиденцию, едва семья села завтракать, как слуга доложил о прибытии офицера с поручением от самого императора. Петр Васильевич велел звать порученца, полагая, что послание адресовано ему. Каково же было его удивление, когда вошедший капитан заявил, что государь повелел ему срочно доставить в Павловск новую камер-фрейлину императрицы – за ней прислана карета.

Поднялась суматоха. Конечно, все знали, что Павел встает рано, но ведь на часах еще не было девяти! Анна кинулась одеваться, собираться. И спустя полчаса она уже ехала в Павловск – на этот раз одна. Вот снова мелькнули усыпанные красным песком дорожки, мраморные фигуры среди зелени, река – и карета остановилась перед дворцом. Едва лакей распахнул дверцу кареты и Анна ступила на булыжник у главного входа, как дворцовые двери распахнулись, и перед оробевшей гостьей предстал сам государь. На этот раз он был в простом темном камзоле, без орденских лент. Его лицо выражало нетерпение.

– Вот, наконец, и вы! – воскликнул он. – Вы заставили меня ждать, а я не привык!

– Простите, ваше величество, но я не знала вашего распорядка, – вежливо ответила Анна. – Больше такого не повторится. Скажите, к какому часу я должна являться, и я всегда буду на месте. А сейчас, пожалуйста, укажите мне, куда я должна идти, где будет проходить моя служба?

Лицо Павла изменилось. Grimаса нетерпеливого раздражения разгладилась, на губах появилась улыбка.

– Ваша служба? Сейчас мы решим, где она будет проходить. Я полагаю, это будет вон в той стороне. – И он указал на дорожку, ведущую вправо от главной аллеи, в сторону от дворца. – Эти утренние часы я люблю отдавать прогулке, – продолжал император. – В эти часы, когда воздух еще свеж и прохладен, в голову приходят хорошие мысли. Я хотел бы, чтобы вы разделили со мной эту прогулку. Извольте идти слева от меня, так мне будет удобнее.

И, не спрашивая ее согласия, он направился в указанном им направлении. Анне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Дорожка шла слегка под уклон. Они дошли до места, где она разветвлялась, на развилке возвышалась статуя Афродиты. Скульптор запечатлел момент, когда богиня рождалась из морской пены. Легкое покрывало не могло скрыть выразительных линий ее фигуры. Павел остановился и, указав тростью на скульптуру, спросил:

– Как вы ее находите? Правда, она прекрасна?

– Да, государь, – ответила девушка, покраснев, при этом она старалась не смотреть на обнаженную грудь и бедра красавицы.

– Когда я впервые попал в эти места, – вновь заговорил Павел, – тут не было ничего, кроме дикого леса. Скучные деревья стояли в беспорядке, между стволами валялись тела их упавших сородичей. Имелась лишь одна главная аллея и несколько ухабистых дорожек. Я знаю, что некоторые поэтические натуры находят такой природный хаос весьма возвышенным. Меня же он раздражает. Я хочу внести в природу красоту, которой в ней нет. А вы как полагаете об этом предмете? – испытующе поглядел он на нее.

Павел еще не вполне узнал эту девушку, не был уверен в ней. Не ошибся ли он, так обласкав ее отца, приблизив ее семью к себе? Надо было проверить впечатления, полученные тогда на балу и затем вчера, во время чаепития, так некстати прерванного его супругой. Поэтому он и затеял эту прогулку, чтобы наедине, свободно меняя темы, узнать ее мысли.

– Но ведь вы не хотите, ваше величество, построить деревья, словно солдат на плацу? – сказала в ответ Анна. – Я вижу, что вы сохранили естественное расположение кустов и деревьев, они стоят редко, но свободно, не теснятся, не мешают друг другу. Да, ваш парк стал красивей, чем обычный лес, и это мне нравится.

– Ага, значит, вам нравится английский стиль парка, как и моему архитектору, – усмехнулся Павел. – Признаться, я бы предпочел более порядка и стройности, как в Версале. Но он убедил меня, и я согласился, пусть будет так. Главное – чтобы сохранялся надзор и чтобы скульптуры и здания впечатляли в природу мысль, которой она лишена. Ведь человек, как Божье творение, всюду должен вносить отпечаток своей данной от Господа души.

– Ах, вот с этим я полностью согласна! – воскликнула Анна.

– Ну, вот, наконец нашлось что-то, в чем вы согласились со своим государем! Да не смущайтесь так – ведь я шучу! Впрочем, нет – смущайтесь, вам это выражение очень идет.

Анна не нашлась что ответить, да ее царственный спутник и не требовал ответа. Они миновали еще две развилки, каждый раз Павел уверенно поворачивал в нужную ему сторону. Было ясно, что он отлично знаком с расположением парковых дорожек и знает, куда идти.

Впереди блеснула вода, на людей пахнуло речной сыростью. Они вышли на берег Славянки, где стояло небольшое круглое здание с куполом, по виду немного напоминавшее церковь.

– Вот мой Храм Дружбы, – гордо заявил Павел, указывая на здание. – Давайте к нему подойдем. И позвольте подать вам руку – здесь, на лугу, нет дорожки, вы можете поскользнуться.

Она подала руку и ощутила прикосновение его маленькой холодной ладони. Рука императора не производила впечатления надежной опоры, впрочем, она помогла Анне идти по траве и правда довольно скользкой.

Они подошли к желтой стене здания. Вблизи Анна ощутила, насколько оно гармоничное, соразмерное человеку. Ей стало интересно, что же находится внутри. Они двинулись вдоль стены, огибая здание. Она все ждала, когда же появится вход, но так и не дождалась: они вернулись в то же место, откуда начали свой обход.

– Что это значит, ваше величество? – спросила она. – В этом здании нет входа! Для чего же оно?

Павел взглянул на нее со странным выражением, затем произнес:

– Я же уже сказал: это Храм Дружбы. Видите ли, сударыня, я почитаю дружбу за величайшее из человеческих чувств.

– Неужели вы ставите ее даже выше любви?

– Да, представьте. Ведь любовь бывает корыстна, жадна и даже зла. Дружба же – никогда. Любящий может разлюбить, изменить и даже предать тебя. Друг же, если он настоящий, не предаст никогда.

И вновь Анна не нашлась что ответить. И правильно сделала, что промолчала: Павел оценил ее молчание как согласие с его словами, и после небольшой паузы вновь заговорил, уже тише:

– Я велел соорудить сей храм, дабы он напоминал мне о моей первой жене Наталье Алексеевне. Вы, верно, знаете, что я женат вторым браком.

– Да, я слышала, что ваша первая супруга скончалась при родах, – сказала Анна. – Но более о том я ничего не знаю.

– Да и откуда? Не только вы – почти никто из приближенных не знает, что случилось в ту ночь. Моя супруга была замечательной женщиной – умной, тонко чувствующей. Мы были с ней так дружны! Одно омрачало наш брак – в течение трех лет у нас не было детей. И вот наконец пришла долгожданная весть, что Наталья ждет ребенка. Все были этому рады. И только она сама была полна дурных предчувствий, часто плакала, боялась смерти. Я, как мог, старался ее утешить. Моя мать, императрица, тоже успокаивала Наталью. Ходят слухи, что моя мать была дурно расположена к моей жене, что они не ладили, и поэтому императрица была даже рада смерти невестки. Слушайте же: да, между ними не было согласия, как не было его и у меня с матерью. Но когда начались роды и стало ясно, что они проходят плохо, – императрица переживала это как собственную беду. Мы все наблюдали, как страдает Наталья, – и ничем не могли ей помочь. Это было ужасно! И вот, после этого... много позже, когда я стал государем, я велел соорудить этот храм. Он посвящен моей первой жене.

Глаза Анны наполнились слезами. Она совсем по-новому смотрела теперь на императора. Она увидела не воплощение власти, не владыку, которого все боятся, а обычного человека – страдающего, любящего, нуждающегося в утешении.

– Я сочувствую вашему горю, государь, – произнесла девушка. – То, что вы рассказали, так печально!

– Да, это печально, – согласился Павел. – Вот почему в этом храме нет дверей, и никто не может попасть внутрь его. Ведь посторонним нет доступа в сердце дружбы – как и в сердце любви. Однако не будем делать нашу прогулку слишком печальной! Идемте далее, и по дороге поговорим о более легких предметах.

Он подал ей руку, как бы желая ободрить, и они по другой дорожке пошли вдоль реки, а затем повернули и стали снова подниматься. Павел расспрашивал ее о книгах, которые она успела прочесть, о танцах, о ее родителях, сестрах, подругах – о самых разных предметах. Было заметно, что он хочет составить для себя как можно более полное и точное представление о девушке, приближенной им ко двору. И точно так же было заметно, что императору нравятся ответы его спутницы.

Он выяснил, что Анна не такая уж прилежная читательница, за свою жизнь она успела прочесть всего шесть книжек, не считая Писания. Более, чем читать, она любила слушать песни крепостных девушек или петь сама.

– Песни девушек, конечно, милы, – заметил на это Павел. – Но ведь есть еще опера – это высшее проявление музыкального вкуса. Разве вы не бывали в опере?

Анна ответила, что бывала, вместе с мачехой и сестрой они ездили на представление, которое давала в Москве итальянская труппа. Слушали оперу композитора Керубини, но какую – она не помнит.

– Да, там совсем другая музыка, чем в песнях, и мне она нравится. Но я ругаю себя за то, что не могу запомнить мелодии. Верно, мой слух недостаточно развит.

– Напрасно вы себя корите, – сказал на это государь. – Запомнить оперную мелодию трудно, на это способны лишь люди особо одаренные.

Они гуляли уже довольно долго, успели о многом переговорить, и Анна перестала дичиться, бояться своего царственного спутника. Поэтому в какой-то момент она решилась и сама задала вопрос:

– А вы, ваше величество, что вы предпочитаете? Что вы любите более всего?

Спросила – и испугалась: что она сделала? Ведь подданным не положено спрашивать государей.

Однако Павел не выказал никакого недовольства. Он кивнул головой и ответил:

– Более всего я люблю устанавливать вместо хаоса – порядок. Во всем – в природе, в государстве, в общении. Так я поступаю и в стране, что верна моему попечению, и в этом парке – везде.

Такой точный и ясный ответ поощрил ее задать новый вопрос:

– Тогда скажите, а о чем вы мечтаете?

Павел остановился, внимательно посмотрел на нее и медленно произнес:

– Знаете ли вы... знаете ли, что вы первая, кто задал мне такой вопрос?

– Я? – Анна была поражена. – Не может быть! А разве ваша мать... или друзья?

– Моя царственная мать никогда меня не любила и не интересовалась моим развитием, – ответил Павел. – Что же до друзей – а они у меня имеются, что бы ни утверждали недруги, – то они, наверное, не решаются говорить о таких сокровенных предметах. Так что вы первая о том спросили. И я отвечу. Я мечтаю о том, чтобы вернулись времена рыцарства, времена чести! О, я бы хотел во главе войска, состоящего из верных паладинов, отправиться в Святую землю, чтобы вновь отвоевать Иерусалим у неверных. Я желал бы участвовать в приключениях, испытать из чаши святого Грааля! Вот вам мои мечты. Как вы их находите?

– Они... очень необычны, – покачала она головой. – Необычны и увлекательны.

– Вот и я тоже так думаю. Необычны и увлекательны... Так же, как и вы, милая Анна. Знайте, что я еще не встречал девушки со столь необычной и тонкой душой. Я желал бы беседовать с вами еще и еще и видеть вас каждый день.

– Но вы и будете видеть меня каждый день, государь, – ответила она. – Ведь я получила должность при вашем дворе...

– Да, конечно, но мне этого мало. Я хочу, чтобы вы жили здесь, во дворце. Я распоряжусь, чтобы вам сегодня же выделили комнаты для вас и ваших слуг. И вам не придется ездить так далеко.

– Да, но... будет ли это прилично?

– Что же неприличного в том, что фрейлина императрицы живет рядом с ней? – пожал плечами Павел. – И не пытайтесь со мной спорить – я этого не люблю. Итак, решено – вы будете жить здесь! Сейчас нам, к сожалению, придется завершить нашу прогулку. Она и так слишком затянулась. Через двадцать минут я должен принимать развод гвардейского караула, а затем принимать австрийского посланника. Ага, вот и дворец!

Действительно, они уже подходили к дворцу, Анна заметила группу придворных, столпившихся перед входом, они явно ждали их возвращения.

– Ладно, на этом пока закончим. Но я надеюсь сегодня еще раз увидеться с вами. Очень надеюсь! – прощаясь, проговорил государь.

Глава 7

В этот день равномерно чередовались светлые и темные полосы, словно за один этот день Анна пережила три или четыре дня, то и дело переходя из света в мрак ночной и обратно, полутонов же вовсе не было.

Прогулка с императором относилась, безусловно, к светлым часам, она оставила в душе девушки глубокий след. Продолжением этой радостной части дня стало ее знакомство с новыми апартаментами. Случилось это так.

Едва Павел с Анной вышли к дворцу, как государю подвели коня. Прежде чем сесть в седло, он позвал к себе нескольких человек, как видно, самых доверенных. Одного из них Анна уже видела – это был граф Кутайсов. Государь каждому отдал какое-то распоряжение, затем вскочил в седло и ускорил в сопровождении группы гвардейских офицеров – видимо, спешил на тот самый развод караула, о котором рассказывал Анне. А Кутайсов подошел к ней и вежливо поклонился:

– Добрый день, сударыня! Рад вас приветствовать! Государь повелел мне устроить вас на жительство во дворце. Сейчас я о том распоряжусь. А пока в комнатах все устраивают, не угодно ли вам ознакомиться с устройством дворца и расположением покоев? Вот юная графиня Чесменская, она будет вашим проводником.

И он подвел Анну к совсем юной девушке; вряд ли ей было более семнадцати лет. Видимо, графиня, несмотря на свой титул, не пользовалась при дворе особым влиянием, потому что она восприняла поручение Кутайсова как вполне естественное и, пригласив Анну следовать за собой, повела ее по дворцу.

Они вдвоем обошли весь дворец, оба его этажа. Не были только в людских, в комнатах, отведенных для караула, и в подвалах – да и что там делать благородным дамам? Все это время графиня была очень мила, неутомимо щебетала, рассказывая о приемах и раутах, о привычках государя и государыни, о разных смешных случаях, бывших при дворе. При этом она то и дело с интересом поглядывала на свою спутницу, видимо стараясь понять, что она собой представляет и какое место займет при дворе.

Они как раз заканчивали осмотр второго этажа, когда к ним подошел слуга и доложил, что граф Кутайсов просит госпожу Лопухину осмотреть отведенные ей апартаменты. Анна поблагодарила юную графиню за помощь и, расставшись с ней, последовала за новым проводником.

Тот привел ее в угловую часть второго этажа. Там ее ждал Кутайсов. Распахивая перед ней одну дверь за другой, он показал Анне ее спальню, будуар, гардеробную, комнату для прислуги. Комната, в которой ей теперь предстояло жить, Анне очень понравилась. Она была угловая, и оба окна выходили в парк, только в разные стороны. Стены затянуты прелестным сиреневым шелком, по которому были вытканы мифологические сюжеты. Кровать с балдахином и прочая мебель представляли собой верх изыска. Да, в таких покоях ей жить еще не приходилось!

Кутайсов, закончив показ, напоследок провел Анну в гардеробную и там открыл маленькую дверцу в углу:

– А вот здесь, сударыня, имеется проход в покои его величества. Таким образом, вы сможете с ним встречаться, когда захотите.

Кровь бросилась ей в лицо, и она гневно воскликнула:

– Что вы такое говорите, сударь? Как это я могу встречаться с государем, когда захочу? Это задевает мою честь!

– Когда речь идет о его величестве, то ничья честь уже не идет в счет, – ответил на это Кутайсов. – Однако вы, я надеюсь, успели достаточно узнать его величество, его рыцарские

взгляды на честь дамы, его образ мыслей. Неужели вы думаете, что ваша честь может быть как-то задета с его стороны?

Анна должна была признать, что таких предположений она не питает. Зато ей пришел в голову другой вопрос:

– Как же я смогу жить здесь, на новом месте, если у меня нет никаких вещей? Ведь все осталось в Петербурге...

– Не извольте беспокоиться, – заявил Кутайсов. – Я сейчас же пошлю за вашими вещами, и вскоре их привезут. Кроме того, вам, как камер-фрейлине, полагается некая сумма на обзаведение. Вот, позвольте вам ее выдать. – И он с поклоном поднес Анне парчовый кошелек. – Если прикажете, я прямо сейчас прикажу подать вам карету. Вы можете поехать на Невский, пройти по самым модным магазинам и купить, чего душе угодно. Несомненно, государь захочет, чтобы вы были одеты как можно лучше.

Однако поехать на Невский «прямо сейчас» ей не удалось, потому что началась темная полоса этого длинного дня. Не успел государев брандмейстер произнести слова о поездке, как явился слуга, посланный императрицей. Он сообщил, что государыня Мария Федоровна изволяет идти на прогулку и повелевает, чтобы новая камер-фрейлина к ней присоединилась. Кутайсов, правда, пробормотал: «Как она может? Я скажу государю!» – но прямо отменить распоряжение императрицы не мог. Так что пришлось Анне идти на прогулку второй раз, теперь уже в свите государыни.

Эта вторая прогулка не принесла ей ничего, кроме унижений. Мария Федоровна приказала ей идти рядом с ней и повела беседу о модах. В модах Анна мало смыслила, поскольку до самого последнего времени никуда не выезжала, да и нарядов не имела. Кроме того, государыня вела беседу на французском, иногда переходя на родной для нее немецкий язык. Анна же говорила по-французски с ошибками, некоторых слов вовсе не знала, и это вызывало насмешливые улыбки и замечания дам и кавалеров, сопровождавших государыню. Вообще Анна заметила, что свита Марии Федоровны была побольше, чем свита Павла, которая утром ждала его у подъезда.

С особой язвительностью смотрела на Анну одна молодая дама, довольно красивая. Она то и дело отпускала шуточки насчет неучей, которые не умеют ни повернуться, ни слова сказать, а лезут в высший свет, или насчет уродливых девиц, что воображают себя красавицами. Не надо было обладать большим воображением, чтобы понять, в чей адрес направлены эти язвительные остроты. Анна не могла понять, за что эта красивая дама так ее невзлюбила. Только позже в тот день она узнала, что эту даму зовут Екатерина Нелидова, и до самого последнего времени она была фавориткой императора и занимала при дворе совершенно особое положение. Теперь же, с появлением Анны, которой государь уделял так много внимания, положение прежней фаворитки должно было пошатнуться.

Верхом унижения стал момент, когда государыня, якобы случайно, уронила платок и остановилась, глядя на Анну. Та поняла так, что должна подать государыне упавшую вещь, и наклонилась. А когда выпрямилась и протянула платок императрице, увидела откровенно издевательское выражение на лицах придворных. (Позднее ей объяснили, что в таком случае платок обязан подать кто-либо из сопровождавших государыню мужчин, но никак не дама.)

Вся эта пытка продолжалась больше часа и закончилась, только когда все общество вернулось во дворец и направилось в столовую, чтобы откусать чаю. Анна к этому моменту проголодалась и была не прочь отведать дворцовых кушаний. Но тут ее ожидало новое унижение. Мария Федоровна громко заявила:

– Я полагаю, что мой царственный супруг, когда беседовал с вами нынче утром, успел позаботиться о вашем пропитании. Так что вряд ли вы захотите садиться за стол еще и с нами. – И, повернувшись к Анне спиной, направилась в столовую. Придворные двинулись следом за ней, обтекая Анну, а некоторые даже слегка толкая ее.

Собственно говоря, она не так сильно хотела есть и могла потерпеть. Но какое оскорбление! За что они ее так? Ей хотелось плакать. Не зная, что делать, она поднялась в комнату, которую уже называла своей. И тут судьба снова повернулась к ней светлой стороной. Ее апартаменты уже не пустовали: там хозяйничала Глаша, ее служанка, раскладывала привезенные вещи. Значит, Кутайсов сдержал свое обещание! Ну а без чая и закусок она вполне проживет.

И тут же, словно отвечая на эти ее мысли, дверь распахнулась, и четверо слуг один за другим вступили в комнату. Каждый из них нес большой поднос. На одном имелся заварной чайник и особый чайник с кипятком, на другом – сахарница и чайный сервиз, на третьем и четвертом размещались пирожники с печеньями, конфетами и пирожными. С профессиональным умением лакеи составили содержимое своих подносов на будуарный столик и принялись разливать чай и вообще обслуживать Анну. А когда она вдоволь напилась и наелась и лакеи ушли, жизнь снова показалась ей приятной.

Она прошлась по своим комнатам, не зная, чем заняться. Дала Глаше и второй своей служанке, Ксении, указания, как разложить присланные вещи, как развесить платья. Что делать дальше, она понятия не имела. Ей хотелось пойти в парк, погулять там одной, вспомнить все события сегодняшнего дня, но она не знала, имеет ли право так поступить. Ведь она находилась на службе! Что, если императрица снова прикажет ей присутствовать при каком-нибудь своем выходе? Ее снова стали мучить воспоминания о пережитом унижении. Казалось, снова наступает черная полоса...

Так она стояла, мучимая сомнениями, когда раздался стук в дверь, и Глаша доложила, что ее хочет видеть некий господин.

– Проси, – кивнула Анна.

Она еще не привыкла к мысли, что может сама кого-то принимать – или не принять. Дома все подобные решения принимали родители.

Дверь открылась, и в комнату вошел белокурый молодой человек в безупречном камзоле. Он был тонкий, изящный и весь какой-то тихий, как мышка.

– Рад вас приветствовать, госпожа Лопухина, – произнес он таким же тихим голосом. – Позвольте представиться: меня зовут Никита Оболянинов, и я являюсь первым секретарем его величества императора. Его величество, уезжая на встречу с прусским посланником, поручил мне позаботиться о вашем устройстве.

– Благодарю вас, господин секретарь, – ответила Анна, – но обо мне уже позаботился господин Кутайсов. Он был так любезен, что послал за моими вещами в Петербург, и их уже доставили. Так что теперь я ни в чем не нуждаюсь.

– Так ли уж ни в чем? – Любезный молодой человек слегка улыбнулся. – А разве вы не хотели бы приобрести что-то новое, чтобы предстать перед его величеством в лучшем виде?

– Да, граф Кутайсов говорил, что мне дадут экипаж и я смогу поехать за покупками. Однако...

– Да, и что же?

– Граф, видимо, был занят и не распорядился насчет экипажа. Кроме того, я не знаю, могу ли я отлучиться из дворца, будучи камер-фрейлиной ее величества...

– Насчет этого вы не должны беспокоиться, – заявил Оболянинов. – Его величество ясно распорядился, чтобы государыня не утруждала вас исполнением докучных обязанностей.

– Однако утром...

– Я уже имел беседу с ее величеством относительно утреннего происшествия и еще раз объяснил императрице волю государя, ее супруга. Смею надеяться, что моих объяснений будет достаточно, и вас более не станут беспокоить со стороны ее величества. Это было только досадное происшествие, поверьте, и оно более не повторится. Так что вы смело можете располагать своим временем – разумеется, за исключением тех случаев, когда вас призовет к себе государь.

Но поскольку сегодня его величество будет занят допоздна, вы свободны. А что касается экипажа, то он уже ожидает нас у заднего крыльца.

– Вы сказали «нас»? Как это понимать?

– Дело в том, что государь поручил мне сопровождать вас в поездках, дабы вы, молодая девушка, не чувствовали себя неудобно. Впрочем, если вы желаете непременно ехать одна...

– Нет-нет, отчего же, я буду весьма признательна, если вы будете меня сопровождать, – живо ответила Анна. – Я сейчас соберусь.

Вот так и получилось, что день, начавшийся интересно и радостно, таким же образом и закончился. До позднего вечера Анна в сопровождении тихого секретаря разъезжала по модным лавкам, не миновав ни одной, расположенной на Невском проспекте. Успела заглянуть и в родительский дом, переговорить с мачехой, похвастать обновками. А когда вечером они вернулись в Павловск, их карета остановилась у заднего крыльца, и слуги начали носить покупки в ее апартаменты, специально высланный слуга попросил их двигаться как можно тише – государь вернулся во дворец полчаса назад и сразу же лег спать.

Так что в этот день Анна больше не видела человека, таким сказочным образом изменившего ее жизнь.

Глава 8

Проснувшись на следующее утро, Анна долго лежала, вспоминая минувший день. Он вместил так много всего – казалось, она за всю свою жизнь не пережила, не переживала столько, как за этот один день. Да, он был действительно необыкновенный! Еще вчера никому не известная московская барышня, каких в Москве сотни, она теперь вошла в круг людей, приближенных к императору, запросто беседовала с ним, гуляла со свитой императрицы и даже сердилась на нее... А новое помещение во дворце? А покупки? И она чувствовала, что необыкновенные события будут иметь продолжение, что жизнь ее теперь вряд ли будет тихой и покойной. «Ну и пусть, – думала девушка. – Пусть все меняется вокруг. А то я долго жила, словно в вате. Впрочем, хватит валяться и размышлять! Ведь государь, мне говорили, встает рано, и весь двор тоже. Надо и мне привыкать». Она кликнула Глашу и велела одеваться.

Пока девушка одевала ее и помогала причесаться, Анна продолжала размышлять все о том же. Она осознала, что вспоминает вчерашнюю прогулку с Павлом, его обещание продолжить беседу. Да что там, она именно что ждет продолжения этого разговора! И встала она так спешно именно из-за этого, а не по причине каких-то порядков при дворе. Смутившись, она подумала, не рано ли стала привыкать к близости государя? И что может означать эта близость? Что может означать тайный ход, соединяющий ее покои с покоями императора? И что значат намеки графа Кутайсова, его слова о том, что в присутствии царственной особы слово «честь» теряет свое значение? Здесь таилось нечто темное, нечто такое, во что она страшилась вглядываться.

Эти мысли не отставали от нее даже во время молитвы, так что она даже рассердилась на себя и усилием воли прогнала их прочь как суетные. Но едва сосредоточилась на знакомом с детства тексте молитвы, как дверь приоткрылась, в нее просунулась голова Глаши, и девушка с испугом в голосе сообщила:

– Барыня, тут пришли, сказывают, что государь вас ожидают! И давно ожидают, даже гnevаются! Сказывают, чтобы вы скорее спускались. Может, вы зеленое платье наденете, которое с бантом? Оно очень вам идет.

– Хорошо, передай, что будет зеленое, – ответила Анна, стремительно поднимаясь с колен. – Впрочем, что я говорю? Ты меня совсем смутила! Скажи, что я сию минуту буду. А платье подай сиреневое, что я вчера купила. Оно должно быть в гардеробной, в коробке, еще не распакованное.

Спустя некоторое время (не будем уточнять какое) Анна, уже полностью одетая и готовая к встрече с государем, быстро вышла на площадку перед дворцом и огляделась. Павла нигде не было. Однако к ней тотчас подошел вчерашний знакомый, секретарь императора Оболянинов, и произнес:

– Доброе утро, сударыня! Рад вас видеть в добром здравии. Государь повелел мне вас дожидаться и передать, что будет прогуливаться там же, где вчера вел с вами возвышенную беседу.

– Возвышенную беседу? – удивленно переспросила Анна. – Но... он не сказал точнее? Ведь мы были в разных местах...

– Нет, государь велел передать только это, – ответил секретарь. – Сказал, что вы должны знать.

– Хорошо, спасибо, сударь.

Анна поняла: это испытание. Император, решивший приблизить ее к себе, хочет узнать, насколько чуткой, памятливой, сметливой является его избранница. Она должна решить эту задачу, если хочет и дальше пользоваться его благосклонностью. Впрочем, что же трудного в этой задаче? Самые искренние слова император вчера говорил, когда они стояли возле Храма

Дружбы. Это были слова о его первой жене, о ее трагической смерти. Значит, туда, на берег Славянки, и надо отправиться.

Она с легкой улыбкой взглянула на Обольянинова, в нерешительности стоявшего возле нее (видимо, он хотел предложить свою помощь, но не знал, как может помочь), и сказала:

– Да, благодарю вас. Я знаю, где мне искать государя.

Огляделась, припоминая расположение парковых дорожек, и уверенно направилась к той, что вела к излучине реки.

Пока шла, вспоминала вчерашний разговор. Да, в нем было много возвышенного, много интересного, такой разговор хочется продолжать. Можно сказать, что никогда в жизни она не имела такого интересного собеседника, как император Павел. Но позвольте... Как это она только что подумала о себе? Да, вот именно: она подумала, захочет ли государь, чтобы она осталась его избранницей. Как она могла помыслить такую дерзость? И потом, о какой избраннице может идти речь, если государь женат?

Занятая этими мыслями, она едва не пропустила нужную развилку, но вовремя опомнилась и выбрала дорожку, на которую они свернули вчера. Выбор был верен: дорожка стала спускаться, впереди блеснула вода, и Анна увидела желтые стены Храма Дружбы, а возле него – знакомую фигуру в зеленом камзоле. «Как хорошо, что я не надела зеленое платье, – успела подумать она. – Государь мог бы расценить такое совпадение, как мое желание понравиться ему, Бог знает, что мог бы подумать!»

Она подошла к нему и склонилась в поклоне.

– Вы хотели меня видеть, ваше величество, и вот я явилась.

Однако лицо Павла выражало не радость от встречи, а раздражение. И он не спешил приветствовать ее, подать ей руку, как сделал вчера. Наконец он заговорил:

– Да, вы явились, но почему так поздно? Почему вы заставили меня ждать? Никто не может заставить своего государя ждать!

– Я... я не знала, государь, – стала оправдываться Анна, краснея и все более смущаясь. – Меня никто не предупредил, что вы будете меня ждать...

– Как же не предупредили? – все так же сурово произнес Павел. – Разве я не говорил вчера, что желаю начать завтрашний день, продолжив беседу с вами? Что я желаю начинать так каждый день? Разве не ради этого я распорядился поселить вас во дворце?

– Я... я не помню таких слов, государь... Наверное, я запомнила...

Ведь не могла же она сказать, что ее собеседник ничего такого не говорил! Это значило обвинить императора в том, что он выдумывает, говорит неправду. Этого никак нельзя было сделать.

Павел ничего не говорил, только внимательно смотрел на нее.

– Этого более не повторится, ваше величество, – придя в себя пообещала Анна. – Теперь я ясно поняла вашу волю. Если вы хотите, чтобы утром я была здесь, чтобы беседовать с вами, значит, так и будет. Только скажите точно, где и в котором часу я должна быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.